

Module 2 Video Class 3: Interview with Kai Kupferschmidt (Russian)

[00:00:01] Здравствуйте! Добро пожаловать в очередной раунд видеоподготовки для курса «Журналистика в пандемии: Освещение COVID-19 сейчас и в будущем». В этом видео наш гость — Кай Купфершмидт, корреспондент журнала Science, базирующийся в Берлине. Спасибо, что пришли на этот курс, Кай.

[00:00:22] Я рад быть здесь, Мэрин.

[00:00:22] Мне очень любопытно узнать, какой была самая первая история, которую вы написали об этой пандемии? И был ли момент, когда вы поняли, что на какое-то время это будет ваша единственная тема?

[00:00:34] Знаете, оглядываясь назад, это всегда трудно определить точно, но я написал первый текст об этом 9 января вместе с двумя коллегами из журнала Science, в тот день китайцы объявили, что это новый коронавирус. Генетическая последовательность ещё не была опубликована, это вот-вот должно было произойти. И в тот момент мы всё ещё обсуждали, передаётся ли вирус от человека к человеку?

[00:00:59] В то время говорилось, что нет никаких доказательств передачи вируса от человека человеку, но ученые, с которым я говорил, уже смотрели на это довольно скептически. И я думаю, это заняло немного — вообще-то я был в отпуске, это другой вопрос, в то время я был в Бразилии, и я помню, как думал, что всё это может пойти в любую сторону. И надеялся, что она исчезнет тихо, чего, конечно, не произошло.

[00:01:27] И когда я сейчас оглядываюсь назад, я думаю, что мой взгляд на ситуацию изменился где-то в конце января, а затем в феврале, когда постепенно появлялось много доказательств того, что этот вирус очень хорошо распространяется от человека к человеку. Появились первые случаи за пределами Китая.

[00:01:48] И мне кажется, я в то время написал об этом серию твитов. Но затем где-то в середине февраля, может быть, 21-го или 22-го февраля, когда Иран объявил, что у них зарегистрировано несколько смертей — я думаю, что пазл сложился, и тогда я действительно всё понял. Кроме того, я заметил сдвиг в словах и мнениях людей, с которыми я разговаривал. Ученые просто, ну, знаете, явно как бы «переключили передачу» и теперь говорили: «Так, это пандемия». Незадолго до этого я написал текст, где мы пытались понять, сможет ли Китай сдержать этот вирус или он станет пандемией. И уже в тот момент, в начале февраля, я думаю, в конце января, было ясно, что большинство ученых уже скептически смотрели на шансы его сдержать.

[00:02:36] Таким образом, вы были погружены в эту историю действительно с самого её начала. Мне кажется, первая весточка о грядущих событиях за пределами Китая пришла очень, очень поздно накануне Нового года, когда рассылка ProMED между делом сообщила, что есть пара слухов и кое-что из какого-то городского департамента здравоохранения в Китае. Итак, оглядываясь назад на эти четыре месяца — есть ли конкретные истории, которые вы написали, или конкретные события или тенденции, которые для вас действительно выделяются?

[00:03:06] Ну, я думаю, когда мы оглядываемся назад, иногда кажется, что все было и так ясно с самого начала — конечно, не было. И вот, в частности, один момент, который я помню: в самом начале этой эпопеи была совместная миссия ВОЗ с учеными со всего мира, которые отправились в Китай. Я в тот день отправлялся в Бразилию и приземлился в аэропорту Сан-Паулу. И я получил письмо от ВОЗ о том, что отчет опубликован, и начал читать его в машине по дороге в Сан-Паулу.

[00:03:43] Сейчас понятно, что тот доклад был очень важен, потому что на самом деле в то время никто не понимал, что именно происходит в Китае. И в докладе действительно было сказано: «Итак, Китай сумел удержать это под контролем, и вот как они это сделали». И это определило наш курс на следующие несколько месяцев. Знаете, всё, что мы видим сейчас в плане карантинных, локдаунов, социального дистанцирования, как бы вы это ни называли, — всё это не было предопределено. Я имею в виду, что я говорил с несколькими авторами этого доклада, и они все сказали мне, когда они ехали в Китай, они думали, что Китай не сможет контролировать респираторное заболевание, заблокировав своё общество. Это просто так не работает. Но когда они были там, они поняли, что это сработало.

[00:04:30] Вся эта тема с локдауном, которая стала почти что главной историей этой конкретной пандемии, — она, по моему мнению, действительно возникла в этом отчёте. И это было интересно, потому что когда вышел доклад, я говорил со своим редактором и моими коллегами о том, что этот отчет будет большой новостью следующей недели, он будет основой всех споров. Но на самом деле это оказалось не так. Это вроде как просачивалось в общественное обсуждение — но, знаете, не так много людей о нём написали. Брюс Эйлвард, который возглавлял эту совместную миссию, позже дал много интервью — было интервью в *New York Times*, было одно с *Vox*, — эти интервью медленно меняли восприятие людей. Но, конечно, это был один из ключевых моментов для меня в том, как развивалась эта пандемия. И, конечно, есть и другие.

[00:05:20] Например, если посмотреть на США, я думаю, вся история о случаях в Сиэтле, когда стало очевидно, что было несколько случаев, что первые два случая, когда у нас уже были геномы, выглядели так, как будто они связаны, хотя они и не были, вроде бы их разделял месяц — и потом стало ясно, что в США уже происходит распространение. Это для меня изменило всю дискуссию о том, что происходит в США. Я думаю, можно выбрать несколько таких моментов. Некоторые из них могут происходить прямо сейчас. Иногда бывает трудно понять это, когда ты находишься в таком моменте.

[00:06:01] Меня действительно завораживает степень того, насколько всего за четыре месяца вещи, которые мы думали, что знали, оказались полностью перечёркнуты. И с моей точки зрения, это одна из самых трудных вещей в работе журналиста в этой эпидемии — говорить людям «вот то, что ученые думают сейчас», а потом через некоторое время оказываться вынужденным объяснять, что есть новые данные, что данные меняются. Журналистам трудно идти в ногу с этим, и мне кажется, это также трудно для зрителей.

[00:06:28] Я думаю, что скорость этого просто поразительна, не так ли? Я имею в виду, мы оба научные журналисты — я привык иногда писать текст, в котором говорится, что то, что мы думали два года назад об этом вирусе, оказалось неверным. Но теперь я пишу такой текст через неделю.

[00:06:40] Точно! «Помните, что мы говорили неделю назад? Так вот...».

Перенесёмся с ритма в пару недель или пару месяцев на пару лет: вы также писали о пандемии Эболы 2014 года. И мне действительно любопытно: глядя на это из сегодняшнего дня, что вы думаете о той пандемии? Можете ли сравнить или сопоставить их? Есть ли какие-нибудь уроки, которые вы выучили тогда, которые помогают вам действовать сейчас?

[00:07:06] Ну, я думаю, что тот опыт, эбола в Либерии, для меня стал одним из самых — ну, «изменил всю мою жизнь» всегда звучит слишком пафосно. Но это изменило то, как я думаю о многих вещах. И это до сих пор сильно влияет на меня, в том числе когда я об этом говорю.

[00:07:29] Во, первых, у меня профессиональный бэкграунд в науке, и я смотрю на вещи, например, на вирус, на молекулярном уровне, что ли — такая у меня в голове рамка. Так что я очень хорошо помню, когда вспышка Эболы в Западной Африке выходила из-под контроля, я разговаривал со всеми этими учеными и, знаете, я думал: неужели есть мутация? Вирус изменился? Что происходит? Это было увлекательно. И мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что вирус не изменился — это общество изменилось, или вирус попал в общество, которое работает иначе, чем те общества, которые он ранее затрагивал. Это было очень мобильное общество, много взаимодействий, очень сильное недоверие к правительству из-за опыта гражданских войн — две гражданские войны подряд.

[00:08:22] И не только для меня, но и для многих ученых, с которыми я разговаривал в то время, это был своего рода опыт, который укоренил эту всем хорошо знакомую идею, что инфекционные болезни — это то, что происходит, когда встречаются патоген и общество. Это то, что происходит на границе этих миров. Но этот опыт действительно заставил меня понять, насколько это важно. И с годами я наблюдал это снова и снова, и это действительно изменило то, как я смотрю на инфекционные заболевания. Так что это было одним из первых выводов. И, конечно же, сейчас с пандемией мы видим, как это происходит: одно и то же заболевание может по-разному развиваться в разных местах, в разных обществах, с людьми, которые по-разному на него реагируют. Эта рамка действительно помогает мне разбираться с тем, что сейчас происходит в разных частях мира. Думаю, это первый вывод. Второй, и я написал это в Twitter в самом начале пандемии: одна из ироний пандемии в том, что как только вирус повсюду — ну, то есть сначала все смотрели на Китай, идея состояла в том, чтобы сдержать вирус в Китае. Как это можно сделать? Будет ли это возможно? А потом он распространился на другие места, и все задаются вопросом о том, можно ли его сдержать в тех местах? Конечно, как только вирус уже повсюду, как только он стал глобальным, история становится гораздо более локальной, потому что тогда речь идет не о закрытии границ или о том, чтобы вирус куда-то не попал — она о том, как ваше сообщество реагирует на это. И это то, что, опять же, я видел в Либерии во время вспышки Эболы: в отсутствие сильного правительства и при таком высоком уровне недоверия в конце концов вирус победили местные общины, которые принимают определенные меры, например, осознают, что угроза реальна.

[00:10:07] И, может быть, третий и последний вывод из той истории таков. Я вернулся в Европу во время вспышки Эболы, и многое из того, что мне говорили люди, было почти раздражением на людей в Западной Африке, люди говорили: боже, неужели они там не могут изменить свое поведение? Да что с ними не так? Как они могут думать, что этого вируса не существует, ну и так далее. Люди не

понимали, как трудно было изменить поведение, как легко распространяется дезинформация. И теперь я чувствую здесь некоторую иронию. Одним из главных камней преткновения в Эболе в Либерии были похоронные практики, потому что на похоронах действительно распространялся вирус. И люди говорили мне: почему они не могут хоронить людей по-другому? Почему они не могут просто построить крематории? Зачем им эти большие похороны, где они целуются на прощание с близкими, а это ведь очень давняя практика там, и это обычай, традиция, которая очень важна для людей. А теперь несколько лет спустя в Германии правительство, по сути, говорит, что какое-то время мы не должны ходить выпивать со своими друзьями из-за этого вируса, и людям трудно не делать даже этого. Так что это действительно заставляет нас увидеть бревно в своём глазу в виде предубеждений, с которыми мы как журналисты порой пишем об инфекционных заболеваниях в некоторых местах.

[00:11:43] Это идеальный переход к следующему вопросу, который я хотела задать, потому что вы сказали, и это такая яркая фраза, что болезнь — это то, что происходит, когда патоген встречается с обществом. И сейчас по всему миру мы видим примеры обществ, реагирующих на новый коронавирус настолько по-разному. Вы живёте в Берлине. Германия проделала удивительную работу по контролю кривой роста этой эпидемии. Я в Соединённых Штатах, и наш ответ был немного другим. И не просто другим, но и шокирующим, я думаю, для многих людей, включая меня, которые ожидали, что США будут демонстрировать больше лидерства, CDC будут более заметны, — и ничего из этого у нас нет. С позиции человека, живущего в Германии с Штайнмайером и Меркель, которые проявили себя как сильные лидеры, есть ли у вас какие-либо мысли о том, как западные промышленно развитые общества реагируют на это?

[00:12:41] Я вырос в том числе в Лондоне, так что я также часто смотрю на ситуацию в Великобритании, и я довольно глубоко погружён в тамошнюю политику. И, конечно, поскольку я пишу для Science, я пристально слежу за ситуацией в США. И, конечно, я разочарован тем, что вижу в этих двух странах. То есть с точки зрения научных знаний, многое из того, что мы знаем о коронавирусах, о моделировании и эпидемиологии, мы знаем от людей, которые работают в этих двух странах. Так что, выходит, одни из лучших умов мира живут в двух странах, которые на самом деле не то чтобы хорошо справились с проблемой.

[00:13:21] Я не эксперт в политике популизма, но, конечно, мысль, которую я вынес из многолетней карьеры журналиста, в том, что доверие крайне важно, например, доверие правительству. Не забывайте, что перед нами вирус, для которого у нас нет вакцины и нет лекарств. Все, что у нас есть, это то, что ученые называли нефармацевтическими вмешательствами, NPI, и эти NPI работают только если кто-то говорит населению изменить свое поведение, и население доверяет этой рекомендации, придерживается ее, потому что считает, что люди, которые дают её, знают, что делают. Поэтому я думаю, что отчасти и та роль, которую СМИ сыграли как в США, так и в Великобритании, то, как популизм цвёл в рамках идеи о том, что вы не можете доверять тем, кто находится у власти, — эти вещи действительно подточили ключевую вещь, которая нужна в общественном здравоохранении, то есть доверие. Это конечная величина, и когда она исчезнет, без фармацевтических инструментов вам просто будет нечего больше делать. Так вот, это было очень грустно наблюдать. И потом, помимо этого есть некоторое недоверие к элитам — интересно, что мы попали в эту пандемию в то время, когда многие люди доказывали, что не нужно доверять экспертам, есть ведь все эти цитаты из дебатов

по Brexit в Великобритании о том, что общественность уже «наелась» экспертных мнений и так далее.

[00:15:03] И мне кажется, сейчас мы в некотором смысле пожинаем плоды всего этого. Экспертам крайне трудно достучаться со своими рекомендациями даже до политиков. И это огромная проблема, я думаю. В Германии, конечно, мы находимся в очень особенной ситуации, у нас на посту канцлера бывший учёный. Я думаю, она проделала очень хорошую работу, так как она просто понимает, как работает наука. Я думаю, например, она может смириться с тем фактом, что, как мы уже говорили ранее, ситуация в науке, оценка того, что делает вирус и как он действует, может меняться за считанные недели на основе новых исследований. Если вы популист, очень легко прицепиться к этому и сказать — видите, у них там семь пятниц на неделе. Но если вы ведёте себя и высказываетесь ответственно, вы можете добиться того, что население поймёт вас и будет следовать лучшим имеющимся рекомендациям. Это все, что у нас есть, ведь мы знаем этот вирус всего несколько месяцев.

[00:16:07] Или столетие, кажется, что прошло уже сто лет.

[00:16:10] И правда.

[00:16:13] Я хочу развить эту тему коммуникации, потому что когда я готовилась к нашему разговору, меня поразило, сколько вы работаете. Вы ведь не только регулярно пишете тексты для Science, но и очень активно ведёте Твиттер и часто даже твитите в прямом эфире с пресс-конференций ВОЗ. Это большая работа в нескольких различных каналах. Но мне интересно, можете ли вы поговорить о том, как вы справляетесь с этим и какую роль играет Твиттер в вашей журналистской работе.

[00:16:44] О, да. Позвольте мне начать с конца, может быть. Интересно, что я начал использовать Твиттер несколько лет назад, я был в рабочей командировке, и коллега вроде как предложила мне попробовать, ей очень нравился Твиттер, и она объяснила мне, как она использует его. Я был очень скептически настроен, но я начал его использовать. И с годами его важность возросла, там сейчас много ученых. Поначалу, может быть, были один-два случая в год, когда я увидел, как кто-то твитнул про новые исследования, это меня заинтересовало, и из этого получился материал.

[00:17:23] В этой пандемии Твиттер действительно стал той самой платформой, я думаю, где взаимодействуют ученые и в определённой степени политики и журналисты, потому что у нас сейчас столько исследований, которые публикуются в виде препринта.

[00:17:39] Многие журналисты всё ещё работают в привычном режиме, когда ты получаешь электронное письмо от Science или Nature или другого журнала, рассказывающее вам, что будет опубликовано на следующей неделе. С препринтами этого нет. Так как вообще понять, что появился новый интересный препринт? Для меня очень часто это происходит потому, что автор пишет твит «привет, у нас новая статья», и другие люди подключаются и критикуют ее или пишут, что в ней интересного. Это уже своего рода рецензирование в прямом эфире. И это уже обращает ваше внимание на вещи, которые могут быть интересными, и уже указывает вам на несколько интересных моментов, которые вам нужно

посмотреть в статье, и на людей, которых вы могли бы попросить прокомментировать это. Так что это невероятно полезно, и поэтому я, кажется, сейчас провожу слишком много времени в Твиттере.

[00:18:29] Но всё было именно в таком духе: я проводил там очень много времени, и мне казалось, что я должен как-то участвовать в дискуссии. И потом, конечно, в нынешней ситуации в «эфире» очень много некачественной информации, поэтому я решил, что если я собираюсь слушать пресс-конференции ВОЗ, и мне вроде как придется записывать их содержание, я мог бы попытаться делать это небольшими частями, удобными мне. Это почти что моя личная стенограмма. Иногда я возвращаюсь в свою ленту в Твиттере, чтобы найти какие-то вещи, потому что я помню, как кто-то сказал это на одной из пресс-конференций. Поэтому я делал это для себя и в то же время просто публиковал это как источник — ну, можно много спорить о ВОЗ, но это надежный источник, и то, что они говорят, важно. Так что началось это так.

[00:19:18] Конечно, это отнимает много времени, но на данный момент, поскольку COVID-19 — это всё, чем я занимаюсь, для меня такой расклад работает. Это моя основная репортёрская работа, мне все равно приходится слушать эти пресс-конференции, так что я параллельно пишу эти треды в Твиттере. И потом, когда я уже собрал материал для истории, и эта история опубликована, это очень хороший способ снова обратить на неё внимание, но также дать некоторую справочную информацию, а иногда просто дать немного... Если немного отойти от темы журналистики, это ещё и просто хороший способ общения. Это просто другое, кое-что из того, что я могу сделать в тред в Твиттере, например, немного комментируя от себя или просто используя определенные сравнения, просто рассказывая историю немного по-другому — это просто действительно интересный инструмент. Поначалу, когда у меня было немного больше времени, мне очень нравилось иметь готовый материал, который выходил онлайн, и начинать с него хороший тред в Твиттере, ведь тогда это может привлечь людей, которые могут даже не читать всю историю, но по крайней мере увидят этот тред. Так что, когда я преподаю журналистику, я призываю всех научных журналистов по-настоящему взяться за Твиттер и попытаться понять, как они могут использовать его. Это может работать не для всех, но, конечно, для меня это очень полезный ресурс.

[00:20:40] Я думаю, это отличный совет, и мысль о том, чтобы использовать его в качестве онлайн-записей для себя, которыми вы одновременно бескорыстно делитесь с другими людьми, — это действительно отличный способ взглянуть на это. Последний вопрос, как вы только что сказали, COVID-19 — это сейчас та самая история, и мы не знаем, как долго она будет ею оставаться для всех нас. Как вы для себя определяете следующие наиболее важные истории, начиная с этого момента? Мы вроде как дошли до конца начала — переходим от конца начала чрезвычайной ситуации к новой норме жизни с этим на неопределённое время. О чём, по-вашему, вы будете писать или за чем будете следить?

[00:21:24] Я думаю, есть несколько способов ответить на этот вопрос. Я уверен, в своей работе вы это тоже наблюдали — когда история становится достаточно большой, а трудно пока представить себе большую историю, чем COVID-19, то вокруг неё много журналистов, которые пытаются осветить разные углы. Очевидно, что мы будем много говорить об экономических последствиях в будущем и геополитике этого вопроса. Конечно, то, что мы наблюдали в ситуации с правительством США, которое не может или не хочет защитить своих граждан от

чего-то подобного, должно заставить задуматься о том, что это значит с точки зрения нашего понимания мира. Есть много людей, которые в этом вопросе имеют больше опыта, чем я, и мне очень любопытно прочитать, что они думают о некоторых из этих вещей. И для меня как научного журналиста эта история в некоторой степени будет сужаться в том смысле, что, как я думаю, люди постепенно потеряют интерес к некоторым научным аспектам. Но, конечно, много действительно увлекательной работы сейчас только начинается. Так что нужно будет посмотреть в прошлое, ведь мы все еще обсуждаем происхождение этого вируса и пандемии. Это будет очень важно. И мы должны разобраться, что мы узнали про все эти меры, которые принимались как бы беспорядочно, потому что ни у кого не было идей получше. Какие из них были чрезмерны? Что сработало? В каком контексте? Я думаю, что есть еще большой вопрос о некоторых странах, которые как будто бы справились с пандемией довольно хорошо, иногда без хорошего объяснения, почему так случилось.

[00:23:06] Я думаю, нам придется подождать несколько недель, чтобы увидеть, распространится ли вирус и в этих местах, или же есть благоприятные факторы, которые мы еще не совсем понимаем. Сезонность будет огромным вопросом: пойдёт ли пандемия на спад? И, конечно, мы будем много читать о том, будет ли вторая волна. Какую форму будет иметь кривая? Как мы должны готовиться к этому?

[00:23:35] Можно оглядываться назад, а можно направить взгляд в будущее. И там есть все эти новые истории, которые мы не можем предсказать. Испытания лекарств — некоторые из них могут сработать, и это будет большой историей. В гонке за вакциной сейчас так много кандидатов — могут быть проблемы с вакциной. Я думаю, что одной из главных тем, если всё это сработает, будет справедливое распределение как лекарств, так и вакцин. В такой глобальной атмосфере, где много национализма, это меня сильно тревожит. Как мы можем убедиться, что, если у нас будет лекарство или вакцина, оно будет распределяться справедливо по всему земному шару? Эти дискуссии наверняка будут продолжаться. А потом есть и другие вещи, например, вирус может мутировать — мы просто не знаем. Мы можем выяснить, что болезнь имеет определенные долгосрочные последствия, как в случае многих известных нам вирусов. Это очень интересная история для меня, но мы сможем ответить на этот вопрос только тогда, когда появятся люди, переболевшие уже год назад или два года назад.

[00:24:49] Думаю, одна из вещей, которая очаровывает меня в науке, и причина, по которой я научный журналист, заключается в том, что мы обычно не можем предсказать, над какой историей будем работать через год. Есть много других областей журналистики, в которых, по сути, всё время ведутся похожие споры, тогда как, по-моему, большинства вещей, о которых я пишу сегодня, просто не существовало пять лет назад или десять лет назад. Могут появиться вещи, может случиться что-то, что мы сейчас просто не замечаем. И это ещё одна важная мысль. Это учит вас как научного журналиста всегда быть открытым для нового, потому что вы многого не можете исключать, вы должны смотреть, что нового появляется и что интересно.

[00:25:33] Другой большой сквозной нитью будет дезинформация. Думаю, возможно, многим из нас, научных журналистов, когда у нас будет немного больше времени, чтобы сосредоточиться на метатемах, действительно нужно на неё взглянуть. Например, о том, как изменилась научная коммуникация в эту пандемию, как некоторые люди использовали это в своих интересах и как это изменит науку в

будущем. Я действительно считаю, что наука — и не только вирусология или эпидемиология, но и наука в целом — будет выглядеть иначе после этой пандемии. И это огромная история для научного журналиста.

[00:26:11] Меня очень зацепили ваши слова о том, что как научные журналисты мы часто не знаем, какой будет наша следующая тема. И одна из самых странных вещей в этой «новой норме» заключается в том, что мы знаем, что будем писать о COVID-19 в обозримом будущем — для всех нас, что бы мы ни делали до этого, это теперь наша специализация. Так что спасибо. Спасибо за эти комментарии. И большое спасибо за то, что присоединились к нашему курсу.

[00:26:36] Спасибо, что позвали меня, Мэрин.